

STALKER

Игорь Соловьев

[ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЬБЫ]
ВРЕМЯ ПОЛЫНИ

Апокалипсис-СТ

Игорь Соловьев

**Перекрестки судьбы.
Время полыни**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соловьев И. А.

Перекрестки судьбы. Время полыни / И. А. Соловьев —
«Издательство АСТ», 2020 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-120904-9

С момента аварии на ЧАЭС прошло девятнадцать лет, но не все окрест поросло полынью. Здесь по-прежнему творятся загадочные явления, привлекающие бродяг и авантюристов. Порвав со своим прошлым, бывший пограничник Птица отправляется в Зону отчуждения. В это же время группа ученых бьет тревогу: в Зоне обнаружены следы неизвестного эксперимента, грозящего крупными неприятностями. На перекрестках судьбы сходятся разные характеры, объединенные общей целью – выстоять в начинающемся апокалипсисе. Под грохот выстрелов, плеск болотной воды и порывы холодного ветра в свои права вступает осень 2005 года. Наступает время, с которого выжившие стали отсчитывать час второго рождения Зоны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120904-9

© Соловьев И. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Соловьев

Перекрестки судьбы. Время польни

© Соловьев И., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Экспертно-криминалистическое отделение ГУ МВД Украины
Справка эксперта Коваленко С. И. № 20212*

Представленная на экспертизу биметаллическая гильза от патрона 9×18 мм ПМ имеет на наружном дне цифры 138 и 88, соответствующие номеру завода-изготовителя и году изготовления соответственно.

Проведенным анализом был выявлен ряд характерных признаков: веерообразный след скольжения, расположенный на корпусе гильзы на расстоянии 7 мм от дна, ориентированный на 4 часа по циферблату (данный след образуется от касания гильзы о правую губу магазина при эжекции), а также характерные следы от бойка ударника и отражателя, соответствующих определенной модели оружия (ПМ). Что в совокупности позволяет сделать заключение: данная гильза отстреляна из пистолета «ПМ» 9 мм.

Пролог

Украина, Зона отчуждения. Октябрь 2005 года.

Под чудовищным ударом дверь прогнулась внутрь, словно по ней приложились массивным тараном. Металл жалобно заскрипел, но выдержал.

Человек, судорожно снаряжавший ружье для промысловой охоты, нервно вздрогнул. Из его трясущихся рук выпали патроны, с дробным стуком раскатившись по полу.

– Марк Витальевич, что же вы такой раззява? – укоризненно прошептал его сосед, крепко сжимавший пожарный топор. – Соберитесь, пожалуйста! Потому что если вы не сможете стрелять, то лучше отдайте ружье кому-нибудь из нас.

– Нет-нет, простите... Я в порядке! – торопливо заверил стрелок. Видимо, мысль о том, что он может лишиться единственного огнестрельного оружия, пугала его не меньше, чем происходящее снаружи.

Дверь вновь загудела под ударами. Казалось, нападавшие целиком сосредоточились на ней. И, может быть, не мешай они друг другу, перед их первобытной, всепоглощающей звериной яростью преграда действительно бы не устояла. Находившиеся в этом помещении люди впервые подумали, что их нынешний дом не только тюрьма, но и крепость.

Послышался хруст гравия, брякнуло металлическое ведро, зашуршали кусты дикой малины. На короткий миг наступила тишина.

– Тссс! Слышите? – подала знак девушка. Мужчины замерли. Шаги за стеной стихли.

С веток вишни, впритык растущей к дому, посыпалась сухая листва. Через мгновение у окна раздался тихий скребущий звук.

Третий, самый молодой из мужчин, взял наперевес тяжелый огнетушитель и, осторожно вытянув шею, попытался рассмотреть через стекло происходившее на улице.

Повисла тревожная пауза. Громко щелкнул примкнутый к оружию магазин. Время, словно тягучий кисель, застыло, сжалось в булавочную головку. А потом вдруг оглушительно взорвалось событиями.

Очередной тяжелый удар вышиб входную дверь. Одновременно с этим затрещала оконная рама, на пол брызнуло разбитое стекло.

Громко завизжала девушка, грохнул выстрел. В оконном проеме среди осколков стекла застряла туша омерзительного существа. Монстр скалил усыпанную крупными острыми зубами пасть; бешено работая локтями, он пытался протиснуться внутрь. На его голову, словно тяжелый кузнечный молот, раз за разом падал баллон огнетушителя. Частички отлетающей с металла, будто шелуха, краски обильно перемешивались с брызгами черной крови.

На пороге с дыркой в груди лежал еще один зверь: стрелок послал пулю точно в сердце твари.

Рукоятка затвора еще только скользнула назад, выталкивая пустую гильзу, а к мужчине уже мчался третий нападавший. Кошмарное существо с разбегу оттолкнулось от пола и взвилось в прыжке. Невероятно крупные серповидные когти на узловатых пальцах метили точно в человеческое горло. Затвор уже накатывал вперед, толкая новый патрон в патронник, но стрелок обреченно понял, что не успевает...

Глава 1

За несколько месяцев до событий пролога. Россия. Май 2005 года.

– Салам, бача!

От неожиданности Сергей вздрогнул и обернулся. У незнакомца, мужчины лет пятидесяти, были внимательные, чуть прищуренные глаза. Лицо обветрено, как у тех, кто проводит много времени на открытом воздухе. Выцветший тельник под вытянутым свитером, коротко обрезанные кирзовые сапоги.

– Ну, салам... шурави, – помедлив, ответил Сергей.

«Бача», «шурави» – слова из далекого Афганистана, принесенные вернувшимися войнами-интернационалистами. С их песнями, «третьим тостом» и болью. По-настоящему большой болью после Великой Отечественной войны.

– Ого, слова наши знаешь! За «речкой» был? Или так, наслышан? – недоверчиво спросил мужчина, оценивая Серегин возраст. Незнакомец вынул из кармана початую пачку «Беломора» и шелчком ногтя выбил папиросу.

– Группа российских войск в Республике Таджикистан. Пограничник я, с таджикско-афганской, – ответил Сергей. Незнакомец покатал в пальцах папиросную гильзу, разминая плотно набитый табак. Потом, резко и сильно продув бумажный мундштук, замял его зубами. Кивнув Сергею, прикурил от протянутой спички. И лишь после этого, ладонью прикрывая тлеющий огонек от ветра, сказал:

– Смотрю, стоишь, а дождик вон как зарядил. Автобус когда теперь будет? А я могу подбросить. – И, опережая вопрос Сергея, добавил: – Насчет денег не переживай, столкнемся!

Они сели в помнивший еще «брежневский застой» оранжевый «москвичонок». Дворники уныло скрипнули, смахивая крупные капли со стекла. Прежде чем тронуться, водитель протянул Сергею широкую ладонь:

– Николай!

Потом Сергей Сокольников с армейским погонялом Птица еще долго вспоминал об этой встрече: как бы оно обернулось, не опоздай он тогда на автобус и не застрянь под дождем на одинокой, продуваемой холодным весенним ветром остановке. Все могло бы сложиться иначе! Впрочем, лучше жалеть о сделанном, чем о том, на что ты так и не решился. И Сергей не жалел. Старался не жалеть.

До города ехали долго. Раскисшие поля, асфальт времен царя Гороха и непрекращающийся дождь располагают к неторопливой беседе. Говорил в основном Николай, вспоминая то неурожай, то бывшую жену. Добрался и до последнего генсека. Вспоминал свою срочную службу в Афганистане, провинции: Кабул, Газни, Мазари-Шариф. Потом о том, что после было. Как «рыжье» мыл на приисках Магадана, пытаюсь скопить на кооперативную квартиру. Как чуть не сгинул там от лихого босяцкого пера. Как все шло не в лад – хоть и жилы рвал, и трудностей не боялся. И как внезапно засветил ему уголовный срок. За спекуляцию. Уже находясь под подпиской о невыезде, продал все, что имел, и, откупившись, ухитрился получить «условно». А через полгода Союз развалился, как необожженный глиняный горшок. Вчерашние спекулянты стали предпринимателями. Началась новая дикая жизнь рыночного капитализма. Но к тому времени он, Николай, фактически бомж, поехал в Чернобыль. Там как раз все начиналось... «А что начиналось? Чернобыль-то в 86-м был», – автоматически подумал Сергей, но вслух ничего не сказал. А Николай продолжал:

– Когда вернулся оттуда, кое-что с собой привез. – Коля-афганец загадочно подмигнул. – В общем, мало-мало, а на домишко хватило, машина опять же. Можно было, конечно, и побольше срубить, да, как говорится, жадность губит фраера. Мне хватает, а больше и не надо.

Так и доехали до города. Заночевали у Николая. Деньги за подвоз он брать с Птицы категорически отказался, еще и в дом пригласил:

– Уважь, браток, один я, поболтать и то не с кем. А так хоть поговорим, выпьем. Тебе ведь все равно, наверно, идти некуда?

Сергей изобразил было удивление, но потом все же кивнул головой. Дела действительно шли хуже некуда. Даже незнакомые люди практически безошибочно определяли его бедственный статус. И, к сожалению, в ближайшей перспективе изменений, хотя бы в виде нормальной работы, не предвиделось. В кармане денег – в обрез: перекусить, на проезд, ну и, может, еще на номер в самой задрипанной гостинице. В надежде заработать он вторую неделю мотался с бумагами-поручениями по незнакомым местам и неприветливым людям.

Все началось с месяц назад. Давно не благоволившая к Сереге удача теперь и вовсе отвернулась от него. Проблемы накапливались на пороге, а потом всем скопом ввалились в его жизнь: долги, внезапно разросшиеся до чудовищных размеров, смерть отца, увольнение из НИИ, где Сергей Сокольников работал электриком. А вот теперь еще и из редакции поперли. Не то чтобы там большие деньги платили, но все же на хлеб хватало. Чтоб как-то выкрутиться, устроился курьером. Среди рутинных заказов «возьми-отвези» иногда попадались поручения с явной примесью криминала. И хотя выбирать не приходилось, тревожный звоночек настойчиво пел: лед, по которому ты идешь, слишком тонок!

Было уже около трех часов ночи. Первую бутылку освоили быстро, а вот вторую пока только ополовинили. Посуровевший Николай решительно смахнул крошки с некогда полированного, а ныне рассохшегося стола.

– Помнишь, я тебе сегодня про Чернобыль рассказывал? Про землю украинскую, многотрадальную?

Сергей, почувствовав важность момента, осторожно кивнул. Николай совершенно трезвым голосом сказал:

– В Зону тебе, Сережа, надо!

Глядя на обалдевшего от столь абсурдного заявления собеседника, «шурави» разлил водку по стаканам и добавил:

– Вот о ней я тебе сейчас и расскажу.

* * *

«...Так, не РД-54, но тоже сойдет». Расправив небольшой туристический рюкзак, Сергей стал укладывать вещи. На дно упали солдатские ботинки – берцы. Старые и стоптанные, но тем и лучше. Ведь пока новые разносишь, ноги до кровавых мозолей сотрешь. Дальше. Теплый свитер, спортивный костюм попроще, шерстяные носки (стопа не прет и не мерзнет). Подумав, Птица добавил портянки, завернув их в мятый пакет. Армейский костюм «горку» в продаже отыскать не удалось. Пришлось ограничиться гражданским аналогом – туристической штормовкой с брюками из плотной палаточной ткани. Снаряжение дополнил дачный гамак миниатюрного размера, в свернутом состоянии помещавшийся в пивную жестяную банку. Широкий кусок клеенки и бухта хорошей альпинистской веревки, которая, вместе с японским биноклем, обошлась ему дороже всего. Менеджер магазина «Экстремальный туризм» сообщил, что, несмотря на небольшую толщину, таким тросом можно буксировать трактор. «Такие нынче

технологии», – многозначительно заявил продавец, заметив удивление и недоверчивость покупателя. Последней легла в рюкзак аптечка. Внутри обычного набора медикаментов и бинтов имелись новенький стетоскоп и полóтна лобзика. Туго набитый рюкзак, в свою очередь, лег в большую спортивную сумку с полустертой надписью «Олимпиада 80». С левого бока сумки грустно улыбался облезлый олимпийский мишка, а с правого краской было накарябано: «Фергана». Сумку Сергей приобрел за бесценок на ближайшей барахолке. Это здесь она бросалась в глаза своей ущербностью, а там, куда он отправлялся, была обычной и непримечательной вещью. В предстоящей поездке чужой интерес ему был совсем не нужен.

В сумку же положил: рыболовную сеть, моток с леской, крючки и колокольчики, поплавки и другую снасть. Потом добавил малую пехотную лопату. Ее матерчатый чехол скрывал остро заточенную миллиметровую сталь. Закинул еще таблетки сухого спирта, фонарь с самодельным светофильтром из куска прозрачного синего пластика. Свет такого фонаря не виден издали, но вполне удобен для личного, ближнего, так сказать, пользования. Уложил, естественно, и нехитрый запас продовольствия: чай, кофе, шоколад, галеты и сушеные овощи, упаковки с крупой: гречневой и геркулесовой. В отдельный карман сунул охотничьи спички, горевшие даже под водой. Распихал соль, сахар и пакет, содержимое которого представляло собой молотый черный перец, густо перемешанный с дешевым табаком.

В глубине вещей Сокольских спрятал нож. Двенадцатисантиметровый клинок толщиной в три миллиметра по длине явно превосходил ширину ладони: неофициальное мерило для отечественной милиции в отношении холодного оружия. Также нож имел упор для пальца, «гарду» и, ко всему прочему, обоюдоострую заточку, что в совокупности подводило владельца под уголовную статью. Оружие не имело ярко выраженного устрашающего вида: ни пилы-стропореза, ни хищного изгиба на конце клинка, – но профессионал сразу бы оценил этот на первый взгляд невзрачный своею простотой инструмент. Сталь, как уверял торговец, была отличной. Таким ножом одинаково удобно резать хлеб, древесину и людей. «А от ментов всегда откупиться можно», – решил Сергей, приобретая «средство последнего шанса».

Сокольских аккуратно уложил кофр с японским биноклем, на всякий случай дополнительно обмотав его полотенцем: «Не разбить бы!» Осталась не менее важная часть. Документы прикрытия: бланки с уже нанесенными печатями и липовые направления со всеми необходимыми реквизитами. Все это Серега позаимствовал на «дембельский аккорд» из родного НИИ. Отдельно легло удостоверение корреспондента, прихваченное в редакции, где Птица когда-то промышлял внештатным спортивным обозревателем.

Когда все вещи были собраны, Сергей взял сумку и прошелся с нею по комнате. Потом придирчиво осмотрел себя в зеркало. Обычный парень двадцати пяти лет, уроженец своего города. Усталый, серьезный взгляд, как у какого-нибудь работяги с оборонного завода. Старенькие кроссовки, синие вылинявшие джинсы с лохматыми нитками, вязаный свитер и спортивная куртка с капюшоном. Ничего особенного – лицо толпы, одежда масс.

Птица вздохнул, подтянув на поясе ремень, и незаметно ощупал строчку заднего кармана брюк. Там, во вспоротом бритвой шве, лежал ключ от наручников. Обычных типовых ментовских браслетов. Береженого Бог бережет!

Сергей напоследок огляделся. В пустой квартире из мебели осталась только старая рухлядь. Все остальное было вынесено и продано, впрочем, как и сама квартира. На вырученные деньги Сокольских рассчитался с долгами, по которым уже во всю бандитскую мощь тикал кабальный счетчик. Закупил снаряжение и амуницию, а также приобрел билеты на сегодняшний поезд. Птица не собирался больше сюда возвращаться, так как чувствовал, что в его жизни произошел какой-то судьбоносный поворот. Еще не зная, что его ждет там, он уходил отсюда навсегда. В последний раз окинув взглядом квартиру, он закинул сумку за спину и вышел на

лестничную клетку. Бросив ключи от входной двери в почтовый ящик, зашагал не оборачиваясь к железнодорожному вокзалу.

* * *

– Вот такая, брат, штука, эта Зона! – Николай устало мямлил папиросу желтыми от табака пальцами. – И колючка есть, и заборы. И солдаты – «вертухаи», и уголовный элемент встречается. Да только там все наоборот: в тюрьмах хода нет «оттуда», а в эту нет «туда». А она тянет, родимая, манит и привязывает к себе навсегда. Много там непонятого и оттого страшного, сколько народу сгинуло, не счесть. Но и желающих попасть туда не меньше. Вот и шарахаются вокруг нее разные... Одни, как волки, в одиночку ходят, другие – гиенами в стаи сбиваются. Кто честно промышляет, кто «шакалит», всякие есть. И дураки, и умники, и фанатики, и сектанты. Одни безобидны, а вот другие... Много жутких слухов. Впрочем, чего сам не видал, о том брехать не буду. Поедешь – сам наслушаешься.

Афганец взял две спички, сложил головками одну чуть ниже другой и, чиркнув о коричневый бок коробка, прикурил. И выжидающе посмотрел на Сокольских.

Сергей задумчиво разглядывал водочную этикетку, словно надеясь прочесть на ней какой-то ответ. В этот вечер на парня лавиной обрушились чужие откровения. И как бы ни бредово звучали слова сидящего перед ним человека, как ни мутит сознание хмель, рассказы Николая вытряхнули и переверостили молодую, но уже покалеченную душу бывшего пограничника.

– А почему я? – наконец спросил Птица.

– А ты, Сережа, фартовый, – ничуть не смутившись, ответил Николай.

– Да уж... – Сокольских с сомнением бросил взгляд на свои заношенные штаны. Да на стоптанные старые кроссовки с двумя разными шнурками.

– Нет, парень, конечно, лично я тебя не знаю, тут твоя правда. Но вот людей в целом – насквозь вижу! И о тебе как о человеке могу многое сказать. Вот ты, верно, сидишь и думаешь, что я случайно заговорил о Зоне-то? Может, я и сам думаю, что случайно. Ан нет! Это Зона тебя через меня к себе зовет. Она моими глазами на мир смотрит, ошупывает каждого встреченного да знак мне подает: мол, этот! Каждый, кто там побывал, в себе Ее печать несет, хочет он того или нет.

Уже рассвело, когда ворвавшийся майский ветер стукнул о стену раскисшей от сырости форточкой, разметав по столу все ночные запахи и папиросный пепел.

– Ну, так что? – нарушив затянувшуюся тишину, спросил Николай. – Поедешь *туда* или я тебя не убедил?

Сокольских посмотрел на мятую, пустую, как его собственная жизнь, пачку «Беломора». И глухо, будто в пересохший колодец, сказал:

– Да хоть завтра.

Афганец кивнул и вдруг, словно спохватившись о чем-то, загремел ящиками старого, облупившимся лаком, серванта. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он обнаружил искомое.

– Вот! Держи, на удачу! – В ладонь Сергея перекочевала небольшая серебристая пластинка на шнурке. На пластинке были изображены падающая с неба звезда и трубящий ангел. В целом предмет можно было бы принять за церковную ладанку, если бы не одна странная деталь. Из ангельской трубы вместо символических звуков и нот вырывалась длинная цифровая последовательность нулей и единиц.

– Что это? – Птица с любопытством рассматривал необычный предмет.

– Если честно, я и сам толком не знаю. Амулет, не амулет, что-то такое. В общем, с дыханием Зоны вещаца. Мне она фарт принесла, живым вернулся. Так что бери, не думай.

– Да? – С сомнением подбросил пластину в ладони Сергей. – А как она вообще к тебе попала?

– Досталась от одного хорошего человека. Вот ему-то потом удачи не хватило. Может быть, потому что он мне эту штуку отдал? Кто ж теперь подскажет? Вижу, спросить хочешь, почему тебе ее отдаю?

– А действительно, почему? – Сокольских попробовал на прочность узелок шнурка. Тот держался крепко.

– Не отсюда она, вещица эта. И обратно в Зону хочет вернуться. Будешь смеяться, но прямо места себе не нахожу. Аура, что ли, от нее тревожная? Не плохая, нет. Просто чувствую, что там она нужнее. А раз вам по пути, отчего бы тебе ее не взять? Говорю же, удачу приносит!

В Зону Сергей поехал только через три месяца. В течение лета он ругал себя за торопливо принятое решение, но жизнь словно сама подталкивала его к той пропасти, что глубиной уходила в черныбыльские события далекого 86-го года. Дела шли все хуже, надежды на лучшее поочередно лопались, как стальные тросы во время ревущего шторма. И осенью, в ее золотую ласковую пору, Сокольских принял решение отдаться в руки судьбы. Спорить с нею он уже не мог, да и просто по-человечески устал.

* * *

Сентябрь 2005 года.

Границу Украины Сокольских пересек без особых проблем. Поезд уныло тащил вагоны, набитые пассажирами, как спелый арбуз – семечками. Проводники разносили постельное белье и мутный чай, «челноки» таскали набитые сумки, хлопала тамбурная дверь. Личность Сокольских не заинтересовала ни хмурых пограничников, ни уголовный элемент, если таковой, конечно, имелся.

Всю дорогу за окном шел дождь. Изредка появляющееся солнце робко пыталось разогнать низкие облака, но они бесконечной угрюмой стеной плыли с запада на восток. На замызганных перронах лежали первые увядшие листья, лужи не спешили подсыхать. Осень уверенно сменяла летние дни и напоминала о себе все чаще.

Сергей прислушался. Где-то в глубине вагона тренькала гитара. Потом раздался сухой кашель, рядом заплакал ребенок, послышался голос матери, ласково успокаивающей свое дитя. Спустя пару минут Птица услышал песню – незнакомую, но слова были о Чернобыле, и Сергей напрягся, вслушиваясь в голос поющего.

Не «бубонная зараза», и не СПИД, и не чума,
Но уводит эшелоны из Чернобыля страна,
Провожают семафоры тех, кто жив, в последний путь,
Кто еще пока не умер, тот умрет когда-нибудь...

Здесь и запахи другие, и другие небеса,
И с лица природы каплет зараженная слеза.
Треск дозиметра, как эхо погребального костра,
За ошибки человека платит мертвая земля.

Жизнь лампадой тихо тлеет, слышишь? – ангел твой поет!
Жертвы «атома» уходят все быстрее из года в год,
И бетон беду не спрячет, и «колючкой» не запрет,
Воском свечка в церкви плачет – отпевание идет.

Нет урока для державы лучше, чем мильон смертей,
Оглянитесь, право-слово, посмотрите на детей.
Тех, чьи семьи потеряли и кормильца, и отца,
Тех, чье сердце оказалось не из стали и свинца...

Радиации пылинки – костей напильники,
Черно-белые картинки, могильники...

Птица дослушал, а потом, свесившись с койки в проход, попытался разглядеть лицо музыканта. Тот сидел где-то в середине вагона, и из-за соседних полок можно было увидеть только рукав старой камуфлированной куртки. Пальцы, поддерживающие гриф, ловко зажимали струны на ладах, но голоса было уже не разобрать. Певец что-то тихо говорил, тюкали эмалированные кружки, да не умолкая плакал ребенок.

В нужный час Сергей собрался и, протолкавшись сквозь узкий «штрек» вагона, вышел к дверям тамбура. Там, в ожидании станции, уже столпился народ. Преобладали в основном пенсионеры: с рюкзаками, тележками и разнообразным садовым инструментом.

Прямо перед Птицей расположился пожилой мужчина, одетый в серый пиджак, брюки и осенние ботинки на толстой подошве. Он держал дерматиновую «овощную» сумку и почему-то строгий черный дипломат, казавшийся на ее фоне довольно нелепым. Пальцами свободной руки мужчина отстукивал замысловатую дробь по рифленой стенке дверного проема. Судя по аккуратно выбритому канту затылка и удивительно прямой спине – бывший военный.

– Извините, – обратился к нему Сергей, – не подскажите, до пансионата автобус во сколько отходит?

Одна из стоявших позади женщин немедленно ответила:

– Да после обеда, не раньше.

Военный, не оборачиваясь, поправил:

– По расписанию в четырнадцать ноль-ноль, – и тут же добавил: – Но на деле, как дачники набьются, так и отправится.

Слово «дачники» он умудрился взять в незримые кавычки, вложив в него какой-то снисходительный, насмешливый оттенок. Несколько человек из «дачников» неприязненно зыркнули на говорившего.

Наконец поезд замедлился, а вскоре и вовсе остановился. Проводница лязгнула открываемой дверью, и народ, как десант из «вертушки», посыпался на платформу. Сергей вышел в город, сориентировался по толпе и направился к автобусу.

Спустя двадцать минут старенький автобус, глухо «пердя» и чихая, повез Птицу прочь от железнодорожной станции. К той самой цели, ради которой парень и предпринял свое рискованное путешествие.

Глава 2

В принципе, Сокольских знал, как попасть к пансионату. Николай подробно объяснил ему, как работает канал по доставке новичков в сталкерский лагерь. Но для этого, прибыв в Украину, надо было связаться с людьми, на которых ему указал Коля-афганец. Но светиться перед ними сейчас категорически не хотелось.

К этому моменту Серега уже разработал свой собственный план. Он заключался в том, чтобы самостоятельно проникнуть в Зону и осмотреться на месте. И после этого уже решить – «да» или «нет». Были еще и кое-какие, не оформившиеся пока, подозрения относительно всего, что происходило вокруг Зоны. Так что рискнуть стоило.

И таким образом, Сергей оказался у начального кольца препятствий. Первый периметр ограничивал въезд в фильтрационную зону. Попасть в нее можно было только по спецпропускам различных категорий: самая простая – для местных жителей, посложнее – сотрудники различных организаций, ну и совсем уж недоступная для Сокольских – для военных и работающих с ними.

Понаблюдав с полчаса за процессом перехода «границы», Сергей отметил одну особенность: пропуска выписывались в здании с маленьким окошком, по типу билетного киоска, и, судя по тому, как долго каждый ожидал заветную бумажку, лишь после тщательной проверки документов.

Серегина «липа» из НИИ, якобы направившего его за образцами чернобыльской флоры и фауны, здесь бы не прокатила. Удостоверение сотрудника прессы только привлекло бы внимание. Все сопроводительные документы ни на что не годились, потому что были полнейшей фикцией. Тем более что официальных формулировок, регламентирующих подобную поездку, Птица просто не знал. Получалось, что такую ерунду можно было бы показывать только егерю, застукавшему его за разведением кострищ в лесу. Здесь же требовалось выдумать нечто иное.

В то же время людей, получивших пропуск, на КПП из белого кирпича проверяли, что называется, «сквозь пальцы». Порой даже не сверяли фамилию в паспорте с выписанным пропуском. Солдаты, по виду «срочники», откровенно скучали, разглядывая очередного «клиента» больше от безделья, нежели из профессионального интереса.

Пару раз к КПП подъезжал армейский «Урал». Тогда из дежурки выходил прапорщик, проверял документы и, давая водителю расписаться в каком-то журнале, без лишних вопросов пропускал автотранспорт. Из-под тента кузова были видны бойцы с автоматами. Так что мысль о том, чтобы на подъеме транспорта в гору заскочить в кузов замедлившегося грузовика, отпала начисто.

Народ, прошедший проверку, толпился по ту сторону забора, в пятидесяти метрах от КПП. Когда желающих попасть в Зону набиралось человек десять, с асфальтового пятака вырывал УАЗ-«буханка», развозивший пассажиров по конечным пунктам их маршрута.

Поразмыслив, Сергей вернулся на автобусную остановку. Водитель был еще тут. Попеременно орудуя то вилкой, то карандашом, шофер разгадывал кроссворд в газете и одновременно ел что-то жирное и мясное из большой стеклянной банки.

Отряхнув с подошв прилипшую мокрую листву и сбив грязь о торчавшую из земли арматуру, Сокольских подошел поближе.

– Приятного аппетита!

Водитель, не поднимая головы и не прекращая пережевывать пищу, равнодушно кивнул.

– В город скоро тронешься? – повторил попытку завязать разговор Птица.

Шофер, не отрываясь от газеты, показал три пальца, а потом импровизированный нолик.

Сергей подошел поближе и склонился над кроссвордом.

– «Мифический город Платона, девять букв», – вслух прочитал он, проследив за пальцем водителя. – Так это же Атлантида!

Мужчина оторвал взгляд от газеты, все так же безразлично посмотрел на Сергея и, подцепив из банки кусок мяса, стал разгадывать следующее слово.

– Тут такое дело... – снова начал Птица.

Водитель выплюнул попавшийся на зубы хрящ.

– ...Мне в город срочно надо! – Сокольских положил перед шофером денежную купюру. – Если прямо сейчас поедem, я тебе новый сборник шарад куплю. Или даже два. – Он добавил еще одну бумажку.

Водитель вытер руки о спортивные штаны, покрутил в руках деньги. И уже вполне заинтересованно спросил:

– Торопишься?

– Да. Жена рожает, – ляпнул Птица. – Так что, едем?

Шофер попинал скат, посмотрел на часы. Потом бросил делано-сердитое: «Залезай!» – и сел за руль. Сергей резво забрался в кабину с пассажирской стороны, хлопнул дверью, и автобус покатил обратно к городу.

– А что народу так мало едет? – спросил Сокольских, наблюдая за поглощаемой сельским автотружеником КАВЗ льющейся под колеса разметкой асфальта. Стрелка спидометра дремала на пятидесяти, но иногда просыпалась и на особо ровных участках разбитого шоссе дотягивалась до семидесяти.

– Так ведь четверг сегодня, в будни всегда так. Вот послезавтра, в субботу, попрут, как красные на Перекоп. Это уж будь спокоен.

Водитель ловко объехал глубокую выбоину на дороге. От лихого маневра лишь тренькнули китайские колокольчики, висевшие на зеркале заднего вида.

– Н-да, – протянул Птица, медленно подводя разговор к интересующему его вопросу. – И очередь у КПП небось с утра выстроится?

– А то как же? Ребята с парка по две машины за раз гоняют. – Видимо, водитель имел в виду тот автотранспорт, что развозил прошедших контроль.

– И не лень же людям в очереди стоять? – притворно удивился Сергей. – Если так уж надо, вжик через забор, и все.

– Да хрен там! – заспорил водитель. – Ты что, не видел? Там же колючка в три ряда, вся под током.

– Так уж и под током? – якобы не поверил Сокольских.

– Ну, не вся, конечно, – согласился шофер. – Последний ряд только. Земля там горелая, и птахи мертвые вдоль забора лежат.

Мимо промчался армейский ГАЗ-66, судя по кузову – радиорелейная станция «Сорока». Вероятно, вояки очень спешили. На большой скорости окатив автобус грязной волной из лужи, они скрылись за поворотом. Разглядеть водителя или бортовой знак Сергей не успел.

– Вот, мать их! – Шофер зло дернул рычаг передачи. – За колючкой землю под контрольно-следовую полосу перепахали! Вокруг всей Зоны. Не поленились, мля! Зато поля убирать нечем, ни тракторов, ни соляры! Гниет все на хрен, никому ничего не надо!

Что такое контрольно-следовая полоса (КСП), бывший пограничник Сокольских знал очень хорошо. И даже был в курсе, как она преодолевается. А вот были ли в пограничной полосе Зоны еще какие-нибудь скрытые сюрпризы, о том можно было только догадываться. Спрашивать у шофера напрямую Сергей не стал, это могло бы вызвать ненужные подозрения. Но неожиданно тот сам ответил на интересующий Птицу вопрос:

– Да только ерунда это все. Народ понапрасну своей «режимностью» замордовали. Кому надо, тот и так туда попадет, хватает желающих. Ясен день, на КПП они не стоят, может, дыры в заборах знают. Попробуй весь карантин проверь по периметру. Или ход где-нибудь подземный

вырыли, а может... – Он помолчал и добавил многозначительно: – А может, их сами вояки в кузовах-то крытых и провозят.

Водитель сбросил передачу. Автобус въехал в город и уверенно покатило вдоль обветшавших пятиэтажек.

– А что, – продолжил он, – откуда там тогда столько шушеры разной? Мародеры, мать их! Сталкеры!

Сергей не отреагировал. Как ни в чем не бывало продолжал рассматривать бегущую мимо улицу, боясь спугнуть разговорившегося водителя.

– И тащат, прут оттуда все, что до них растащить не успели.

– У дачников, что ли? – изобразил непонимание Птица.

– Да у каких, едрен, дачников?! Я тебе про Зону говорю! Про саму Ее, а не про «карантин» этот всратый.

Водитель, кажется, впервые внимательно оглядел Сергея с ног до головы и поинтересовался:

– А ты сам-то откуда? Вижу же, вроде не местный...

– А, вот здесь тормозни, – словно бы спохватился пассажир. – Я тут и выйду. Спасибо, удружил!

Автобус остановился. Сокольских, улыбнувшись, соскочил на асфальт.

– А на каком месяце-то? – вдруг спросил у него водитель. Сергей непонимающе обернулся.

– Ну, ты говорил, что жена рожает. Месяц-то какой?

– А-а-а, да как положено, девятый. – Птица вытащил из кабины свою олимпийскую сумку.

– Слушай, друг, если еще денег на карман подкинешь, могу тебя до самого роддома донести. У меня время есть. – Шофер наблюдал, как Сергей перекидывает сумку через плечо.

– Да нет, спасибо. Мне надо еще позвонить и цветы купить. Будь здоров!

Сокольских размял ноги и зашагал в глубь городка.

– Ну, как знаешь.

Водила дал задний ход, развернулся и уехал делать свой нелегкий рабочий план.

«Итак, – думал Сергей, – нужно перекантоваться две ночи: сегодня и с пятницы на субботу. На вокзал идти не стоит. Во-первых, там больше всего милиции – будут задавать ненужные вопросы. А во-вторых, все равно выгонят, так как зал ожидания на ночь закрывают. Если останавливаться, то у частных. Но сначала, пожалуй, стоит подкрепиться».

Небо заволочла серая пелена, осенние деревья тревожно шелестели листвой. Рваные облака на бегу латали просветы, а землю просеивал морозящий дождь. На городской площади хлопала тентом каркасные палатки продавцов, рябью шевелились растущие лужи, где-то из хриплого магнитофонного динамика раздавался голос турецкого певца Таркана.

Рядом с Сергеем уселась бродячая собака. Один ее глаз гноился, но второй смотрел вполне бодро. Облезлый хвост приветливо выписывал в сыром воздухе восьмерки. Птица поглубже натянул капюшон куртки, встал и, отряхнувшись от дождевых капель, бросил псу недоеденный чебурек.

– Питайся, брат. Раз в день горячая пища необходима! – назидательно произнес Серега. Пес тотчас же подхватил угощение, благодарно потрянул ушами и унес добычу в кусты.

Путем опросов в очередях Птица выяснил, что комнаты в городе сдавали многие. Но хотелось подобрать что-нибудь в частном секторе, подальше от центра. Это ведь только кажется, что никому ты тут не интересен. В маленьких городах чужой человек сразу бросается в глаза. Все тебя видят и все примечают. А спустя некоторое время неожиданно появляется какой-нибудь экипаж ППС и спрашивает у тебя документы. В частном же секторе нравы, как правило, попроще.

В общем, наиболее подходящим оказался вариант с жильем в доме одного железнодорожника. Спустя час Сергей вполне удачно договорился с хозяевами о постое. Решив лишний раз не шастать по улицам, он заплатил оговоренные деньги и расположился на отдых. Делать было откровенно нечего, поэтому почти сутки Птица проспал, набираясь сил. После этого еще раз проверил снаряжение, почистил одежду, послушал радио, выпил несколько кружек чаю.

Затем стал бесцельно ходить по комнате и разглядывать пятна на старых обоях. Чтобы немного отвлечься и скоротать время, принялся изучать найденную в шкафу подшивку журнала «Огонек» за 1983 год. Выросший в более позднюю эпоху и совсем на иной журналистике, Сокольников увлекся и погрузился в необычное чтение. Писали обо всем сразу, охватывая самый широкий круг читателей. В одном журнале ухитрились осветить новости промышленности, сельского хозяйства, поговорить об искусстве, опубликовать рассказы, стихи и, разумеется, сделать акцент на политике.

«Ткачиха Тихомирова получила новую квартиру. Участники стран Варшавского договора в Праге осудили вторжение Израиля в Ливан».

Вообще, статей об агрессивном лике сионистов Израиля и храбрых героях-палестинцах было непривычно много. По духу повествования это напоминало стиль 30-х годов прошлого века. Тогда со страниц газет не сходили республиканцы Испании, клявшиеся защищать Гранаду от кровавых франкистов. Видимо, 1983 год пришелся на очередной виток политического противостояния в холодной войне. Статья «О наращивании мощностей Херсонского консервного комбината» плавно перетекла в тему о том, почему беднеет ассортимент продовольственных магазинов. Потом читателю рассказывали о блокадном Ленинграде. О Курчатове. О Республике Кампучия и янтарной комнате. Сергей сам не заметил, как наступила глубокая ночь. Прервав чтение на опубликованном отрывке из детектива Юлиана Семенова, Птица, наконец, уснул.

К вечеру пятницы он обнаружил, что запас сигарет заметно иссяк. К тому же надо было докупить кое-что из продовольствия. Выходило так, что надо было отправляться в ближайшую круглосуточную палатку. Чтобы не скрежетать замком и не будить хозяев, Сергей аккуратно прикрыл дверь, не запирая ее. Ключи же, покоящиеся в тяжелом металлическом цилиндре, просто сунул в карман.

Натянув капюшон и стараясь не скрипеть калиткой, Птица вышел на улицу. Дождь, не прекращавшийся за это время ни на минуту, продолжал дробно барабанить по жестяной крыше. Где-то брехали осипшие собаки, да на ветру раскачивалась цепь белых, тусклых фонарей.

Сергей шел вдоль железнодорожной насыпи. Слева в ночном свете, словно покрытые лаком, блестели мокрые шпалы, справа тянулись разномастные гаражи. Самый высокий из них венчал остов ржавого жигуленка. Спустя пятнадцать минут кроссовки начали жалобно хлопнуть, и Сокольников, ругаясь, свернул поближе к гаражам. Там было повыше, и оттого земля была заметно суше. Ко всему прочему, свет железнодорожных фонарей хорошо выделял саму насыпь. Пойди он по ней, его четкий силуэт был бы виден издалека. Обходя огромную канаву с черной водой, Сергей вплотную приблизился к длинному ряду гаражей, буквально обтирая куртку о железные листы. По соображениям Птицы, до заветной палатки оставалось идти еще минут десять, как вдруг он услышал обрывок чьей-то фразы. Говоривший неожиданно повысил голос, в котором прозвучала злая угроза:

– ...Ленок, не борзей!

Глухо звякнуло металлом, потом кто-то шумно выдохнул. По ту сторону автомобильного бокса явно разворачивались недобрые события. Сокольников разобрал женский голос, без конца обрывавшийся на полуслове. За гаражами что-то шуршало и перекачивалось.

– Подсоби же! – владелец первого голоса обратился к кому-то еще. Чавкнула автомобильная дверца, возня за гаражом усилилась. Сергей медленно пошел дальше. Вмешиваться ни во что он не хотел, хоть и чувствовал себя сейчас из-за этого весьма погано.

– Да помогите же кто-нибудь! – отчаянно и громко вскрикнула женщина. Ее последние слова перешли в рыдание.

Сергей беспомощно замер. В нем боролись противоречивые чувства. Меньше всего он хотел сейчас попасть в какую-нибудь сомнительную историю. Но издевательский смех по ту сторону автомобильных боксов внезапно подстегнул чувства. На Сергея накатила волна холодной злости. Сжав в кулаке стальной цилиндр с ключами, он влез в узкую щель межгаражного пространства.

Стоявшая по ту сторону «вольво» освещала фарами молодую женщину, на которой сидел коротко стриженный крепыш, выкручивая жертве руки. Рядом с подельником суетился его долговязый приятель. Он не знал, с какого бока лучше зайти, чтобы помочь сопящему здоровяку. Длинная юбка на женщине была задрана выше колен. Ноги в осенних сапогах беспомощно елозили по черной сырой листве.

Птица не стал кричать и взывать к совести негодяев. Он знал, что, если окажется лицом к лицу сразу с двумя этими парнями, шансов у него не будет. Поэтому он с разбегу прыгнул на спину крепко сложенного бугая и ударил его по выбритому затылку.

Тяжелый металлический цилиндр с лежащими в нем ключами со страшной силой обрушился на голову здоровяка. Бывший боксер, неоднократный чемпион области, а ныне старший сержант патрульно-постовой службы «не при исполнении» Михаил Бобков ухнул, обмяк и грузно завалился на женщину. Только что он проиграл свой последний в жизни раунд. Однако его приятель, несмотря на внешнюю нескладность, среагировал мгновенно. Вскочившего Птицу встретил мощный удар в солнечное сплетение...

...На кафельном полу сортира Выборгской учебной роты лежал молодой боец, месяц назад призванный на службу Родине в пограничные войска. Перед его глазами плыли красные круги. Воздух, словно в один миг испарившийся из вселенной, не поступал в легкие, сжавшись от удара в грудь кирзовым сапогом. Вошедший сержант бегло посмотрел на равнодушно умывавшихся «дедов». Присел рядом с лежащим парнем.

– Что, Сокольских, ды́хало простудил? – дежурно поинтересовался контрактник с тремя лычками на погонах. – Нда-а-а, – презрительно посмотрел он на хрипящего Сергея и, указав на старослужащих, спросил:

– Это они тебя так?

Отслужившие по полтора года солдаты, словно не слыша, продолжали невозмутимо плескаться у кранов. Сергей не ответил, лишь только дышать стал чуть медленнее.

– А ну-ка встать! – рявкнул сержант и пнул мыском ботинка Сокольских в плечо. «Душара», как называли молодых солдат, держась за стенку, с трудом поднялся и с ненавистью посмотрел на контрактника.

– Пошли, – совершенно спокойным голосом произнес тот. И не оборачиваясь вышел из туалета.

Яркий солнечный свет бился сквозь огромное стекло и хромыми зайчиками плясал на стенах «Ленинской комнаты». Сержант сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и пальцами раскручивал солдатский жетон на шариковой металлической цепочке.

– Запомни, Сокольских. Мамки тут нет. Сопли тебе вытирать никто не будет! Если ты, желторотый, думаешь, что это дедовщина, то нет. Ты еще ни хрена дедовщины не видел.

Оторвав равнодушный взгляд от окна, он внимательно посмотрел на Сергея. Тот угрюмо стоял перед сержантом и разглядывал свои большие, явно не по размеру, кирзачи.

– Залупнуться решил? А силенок-то хватит? Ты, обморок, сперва в зеркало на себя погляди, а потом решишь – летать тебе «душарой» или поперек традиций что-то вякать.

Птица, поведя худыми плечами, неопределенно мотнул головой. Но ничего не ответил.

– В армии правила простые: если боишься, не говори, а если сказал – не бойся! Раз рыпнулся, так кушай! Теперь тебя каждый день будут в дышалку прессовать, пока не сломаешься. Или пока не надоест.

За окном дробно прошагал строй, послышался смех, где-то вдалеке сигналила машина. Сержант встал, вплотную приблизился к Сокольских и, глядя ему в лицо, вдруг зло процедил:

– Что не очканул перед ними, молодец! – И, сгребая «духа» огромной крестьянской ручищей за отвороты кителя, неожиданно выдохнул: – Но вот теперь, если ты после этого зачмо-неешь, я тебя лично в нарядах на параше сгною!

И с силой оттолкнув солдата, вышел из комнаты неспешной, полной сержантского достоинства походкой.

Ад для Птицы начался на следующий же день и продолжался пять месяцев. Избивали его так, что он впадал в полубоморочное состояние и находился в нем по несколько суток. Продолжая тем не менее шагать по плацу, разбирать автомат и чистить бесконечные тонны грязной картошки. И все же, когда мучения становились совсем невыносимыми, он всегда ловил на себе взгляд стоявшего в стороне сержанта. Это заставляло Сергея стиснуть зубы и не растерять свое человеческое достоинство. Мышцы его огрубели, он уже не валился на пол от каждой плюхи, а лишь ловил всем телом удар и разгонял его по стонущим клеткам организма. Со временем гнобившие его «деды» подрастеряли былой интерес. А потом и вовсе дембелями разъехались по домам. Приближался «год», и Птица, осмелев, стал тайком ходить в спортзал, где отчаянно молотил старую пыльную грушу. Постепенно плечи Сергея распрямились, мышцы перевилились в упругие жгуты. И вскоре он худым, но твердым кулаком разбил нос зарвавшемуся представителю одного из чужих «землячеств». От расправы его спасла граница – через день их призыв погрузили на борт «горбатого» ИЛ-76Д и перекинули в далекий Таджикистан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.